

УДК 82(091)

DOI 10.22455/2541-7894-2018-4-8-40

ОЛЬГА ПАНОВА

ФИЛИС УИТЛИ В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ И АФРО-АМЕРИКАНСКОЙ КРИТИКЕ*

Аннотация: В статье дается очерк жизни и творчества первой афро-американской поэтессы Филлис Уитли (1753?–1784), анализируются восприятие и оценка ее творчества, начиная от прижизненной критики до современности, прослеживается, как менялась (порой радикально) в зависимости от идеологических установок литературная репутация Уитли по мере становления и развития афроамериканских исследований – от 1960-х к 2010-м гг., делается попытка на основе взвешенного историко-литературного подхода оценить место и роль личности и поэзии Уитли в литературной и культурной истории США.

Ключевые слова: Филлис Уитли, литература США, афро-американская литература, афро-американская литературная критика, афро-американские исследования, литературная репутация

© 2018 Панова Ольга Юрьевна (доктор филол. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; ст. научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва)
olgapanova65@gmail.com

---

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 18-012-00241 А «История афро-американской литературы XVIII–XX вв.»

THE WRITER IN LITERARY HISTORY

UDC 82(091)

DOI 10.22455/2541-7894-2018-4-8-40

OLGA PANOVA

PHILLIS WHEATLEY IN AMERICAN LITERARY HISTORY AND AFRICAN AMERICAN LITERARY CRITICISM

Abstract: The paper makes a survey of the life and works by Phillis Wheatley (1753?-1784), the first African American female poet, analyses critical reception of her poetry during her lifetime and up to nowadays, shows the way her literary reputation has been changing (sometimes drastically) as a result of the changing bias and attitudes in the course of the development of African American literary studies since 1960s till 2010s. The paper also attempts to assess Phillis Wheatley's role in American literary and cultural history.

Keywords: Phillis Wheatley, American literature, African American literature, African American literary criticism, African American studies, literary reputation

© 2018 Olga Yu. Panova (Doctor Hab. in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University; Senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow) olgapanova65@gmail.com

Первая афро-американская поэтесса

Филис Уитли (Phillis Wheatley, 1753?–1784) часто называют первым негритянским поэтом Америки. Действительно, в отличие от своего старшего современника стихотворца Джупитера Хэммона, Уитли была поэтом в полном смысле слова: здесь налицо и бесспорное дарование, и достаточное владение мастерством, и признание современников, и разнообразие тематики, и представительный объем наследия (поэтический сборник и несколько разрозненных стихотворений). Биография Филис Уитли, как и ее творчество, достаточно хорошо изучены¹, хотя и остаются разногласия в связи с некоторыми фактами. Филис Уитли родилась в Африке на территории современной Гамбии или Сенегала, в 1761 г. была переправлена в американские колонии на невольничьем корабле и продана в Бостоне состоятельному торговцу Джону Уитли. Филис Уитли принадлежала к невольничьей элите, оказавшись скорее в положении приемной дочери, а не рабыни. Хозяева заметили одаренность девочки, не обременяли ее домашней работой и поощряли ее талант. Ей дали образование; по поводу ее учителей существуют разногласия: по мнению большинства ученых, Филис занималась с детьми Уитли, близнецами Натанаэлем и Мэри²; однако исследователь ее творчества Дж. Шилдс, стремясь поднять статус поэтессы, утверждает, что такое «великолепное образование» не могли дать ей дома, и учителем был Мэзер Байлз, племянник знаменитого Коттона Мэзера и известный поэт [Shields 2008: 82]. Образование, полученное Филис, отвечало рядовым требованиям того времени – чтение и выборочное заучивание наизусть Священного Писания, латынь, чтение в оригинале и переводах фрагментов класси-

¹ Из отечественных работ см.: [Чаковский 1997], [Апенко 1999]. Достаточно полный обзор библиографии американских исследований, начиная от прижизненных откликов в прессе и реляции Дж. Уитли к первому изданию «Стихотворений на разные темы...» (1773) и до последних исследований, представлен во 2 и 3 главах монографии многолетнего исследователя творчества Уитли Дж. Шилдса: [Shields 2008].

² Так утверждает, напр., Джулиан Д. Мейсон [Mason 1989:3-4], чье издание стихотворений Ф. Уитли 1966 г. переизданное в 1989 г. ([Phillis Wheatley 1989]) на протяжении почти полувека остается самым авторитетным. Если не оговорено специально, излагая сведения о биографии и истории публикаций Ф. Уитли, мы основываемся на указ. соч. Дж.Д. Мейсона, а также на соч. Д.Д. Брюса [Bruce 2001]. Стихотворения Ф. Уитли приводятся и цитируются по указ. собр. соч. 1989 г. под ред. Дж.Д. Мейсона с указанием номера страницы в скобках после названия стихотворения или цитаты.

ческих поэтов (Вергилия, Овидия, Гомера, Горация), а также знакомство с современными авторами (Мильтон, Драйден, Поуп). Любимым чтением поэтессы стал Гомер в переводе А. Поупа.

Первое ее стихотворение, получившее известность, было посвящено двум мореплавателям, спасшимся во время жестокой бури у мыса Код благодаря стойкой вере в Бога, и представляло собой стихотворное изложение рассказа, услышанного от одного из гостей дома [Bruce 2001: 41]. Оно было опубликовано в 1766 г. с помощью спонсорских денег в род-айлендской газете *The Newport Mercury*. К этому времени вокруг Филлис Уитли сложился небольшой кружок почитателей ее таланта, состоявший в основном из ее хозяев, их друзей и знакомых, и это наложило отпечаток на раннее творчество поэтессы. Круг тем определялся запросами и вкусами ограниченного сообщества; так, например, большую часть его составляют элегии на смерть разных бостонских жителей. Главной задачей поэтессы было завоевать себе твердое положение и реноме среди образованной бостонской публики.

Широкую известность в Англии и в колониях Филлис Уитли принесла элегия на смерть Джорджа Уайтфилда, изданная на отдельном листе в 1770 г. Это стихотворение сыграло поворотную роль в судьбе поэтессы. Прежде всего, оно значительно расширило ее аудиторию, сделав ее известной за пределами Бостона и по разные стороны Атлантики: в течение полугода стихотворение переиздавалось шесть раз в Лондоне, Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии [Bruce 2001: 42]. Кроме того, значительно вырос и укрепился круг ее поклонников и покровителей. Вокруг Филлис Уитли консолидировалось сообщество религиозно настроенных женщин, включая ее хозяйку Сусанну Уитли, которое состояло из последовательниц Уайтфилда, слушавших его проповеди как в Британии, так и в колониях. Именно они активно способствовали изданию и распространению стихов Филлис. Наиболее значительной фигурой, оказавшей поддержку «эфиопской поэтессе», стала духовная дочь Уайтфилда графиня Хантингдон. Поддерживал Филлис Уитли также известный индейский проповедник и миссионер Самсон Окком, входивший в круг графини Хантингдон³.

В 1773 году Натанаэль Уитли, возглавивший вместо отца семейный бизнес, отбывает в Лондон по делам и берет с собой Филлис, чтобы расширить ее известность в Англии и выпустить в столице метрополии книгу стихов. В сентябре 1773 года благодаря хлопотам семейства Уит-

---

³ См. письмо Сусанны Уитли к Оккому, приведенное Дж.Д. Мейсоном [Mason 1989: 6-7].

ли, Оккома и покровительству графини, был опубликован поэтический сборник Филлис «Стихотворения на разные темы, религиозные и нравственные» [Phillis Wheatley 1773]. Издание было снабжено реляцией Джона Уитли, где сообщались краткие сведения о поэтессе; авторство поэтессы удостоверялось подписями «экспертной комиссии» – уважаемых граждан Бостона, в числе которых были губернатор Томас Хатчинсон, преп. Мэзер Байлз, преп. Сэмюэл Мэзер, преп. Джон Морхед. Проэкзаменовав юную негритянку, комиссия сделала следующее заключение: «Мы, нижеподписавшиеся, удостоверяем, что, по нашему убеждению, стихотворения, указанные на следующей странице, действительно были написаны молодой негритянкой Филлис, которая всего несколько лет назад была привезена из Африки необразованной дикаркой (uncultivated barbarian from Africa) и с тех пор и до сего дня находится в печальном положении служанки-рабыни в одном из семейств нашего города. Она была проэкзаменована лучшими судьями и признана способной написать эти стихотворения» [Phillis Wheatley 1773: 7]. Но даже несмотря на то, что члены авторитетного жюри поставили свои подписи под заключением, удостоверяющим подлинное авторство Филлис Уитли, не все поверили в то, что негритянка-рабыня действительно может стать поэтом: сомнения, в частности, высказывал один из отцов-основателей американской демократии и плантатор-рабовладелец Томас Джефферсон в своих «Заметках о Виргинии» (1781–1783).

Той же осенью 1773 г. Уитли освободили Филлис. В Лондоне она была представлена нескольким высокопоставленным лицам, в том числе эрлу Дартмутскому, лорду-мэру Лондона. Известие о тяжелой болезни Сусанны Уитли вынуждает ее в конце осени срочно вернуться в Бостон. После смерти бывшей хозяйки Филлис публикует несколько стихотворений в Бостоне отдельными листами, а в 1775 г. вместе с Джоном Уитли, Мэри и ее мужем уезжает из осажденного британцами города в Провиденс, Род-Айленд. В том же году осенью Филлис адресует патриотическое стихотворение Джорджу Вашингтону, который откликнулся благодарственным письмом. В следующем году поэтесса посещает Вашингтона незадолго до снятия осады Бостона. По возвращении в Бостон Филлис живет в доме Джона Уитли. В 1778 г. умирают Джон Уитли и его дочь, подруга Филлис, Мэри; в том же году, лишившись всякой материальной поддержки, Филлис выходит замуж за свободного негра Джона Питерса. В браке с ним она родила троих детей, лишь один из которых пережил свою мать, да и то всего на несколько месяцев. Война и отсутствие твердого источника дохода ввергли семью в крайнюю бедность. Хрупкое здоровье Филлис Уитли-Питерс

не выдержало, и в 1784 г. она скончалась. В 1779–1780 гг. бостонские газеты писали о готовящемся новом издании стихов Филлис, но этот проект не был осуществлен из-за материальных трудностей, связанных с войной. Всего Филлис Уитли было написано около 145 стихотворений; также изданы ее письма. В числе корреспондентов поэтессы были самые разные люди: индейский миссионер Самсон Окком, теолог Сэмюэл Хопкинс, английский банкир и филантроп Джон Торнтон, близкий друг семьи Уитли Арбор Тэннер, генерал Дэвид Вустер, прошедший англо-французскую войну, а также такие известные личности, как графиня Хантингдон, лорд Дартмут, Джордж Вашингтон.

Большую часть наследия Уитли составляют стихотворения, написанные «на случай» и, очевидно, по просьбам близких и знакомых. Это «дорожные» стихотворения – «на прибытие», «на отъезд», «на плавание» и т.д.⁴, а также стихи, посвященные различным превратностям и опасностям. Как путешествия, так и различные опасные приключения и грозные события, вроде бури или урагана, становятся поводами для благочестивых размышлений о путях Провидения, о силе веры и упования на Бога, стойкости, терпении и прочих добродетелей. Однако чаще всего создавались элегии на смерть разных бостонских жителей, написанные обычно по заказам родителей, супругов, детей и прочих родственников покойных. Такие элегии составляют не менее четверти общего количества стихотворений и дают прекрасное представление о культуре смерти в последней трети XVIII века. Благочестивое христианское отношение к смерти выражено посредством соединения строгой торжественности, свойственной классицизму (особенно при перечислении добродетелей покойного и описании райских блаженств, которых должна удостоиться его душа), и чувствительности (трогательное описание горя близких, невосполнимости утраты) в духе сентиментализма и предромантизма. Особенно заметно приближение эпохи романтизма в стихах, посвященных смерти ребенка и юных девушек⁵.

Элегии на смерть строятся в соответствии с устойчивой схемой, которая в наиболее полном виде включает в себя сообщение/краткий

---

⁴ “To a Lady on her coming to North America with her Son, for the Recovery of her Health” (85); “To a Lady on her remarkable Preservation in a Hurricane in North Carolina” (86); “To a Gentleman on his Voyage to Great-Britain, for the Recovery of his Health” (91).

⁵ “To the Hon. T. H. Esq; on the Death of his Daughter” (96-97); “A Funeral Poem on the Death of an Infant aged twelve Months” (80-81); “On the Death of a Young Lady of five Years of Age” (57).

рассказ об обстоятельствах смерти, описание добродетелей усопшего/ей, картины загробного блаженства, благодаря чему смерть предстает одновременно как трогательное, но и радостное событие; описание горя родственников и близких, утешение и назидание родным, краткое обобщение-размышление о смысле жизни и смерти. Так же устойчива и топика элегий, и используемые поэтом словесные формулы: смерть – достижение «радостного берега»; душа слышит ангельское пение, видит сияющий ангельский сонм, созерцает трон Создателя; родные должны «справиться с горем» (grief control – одно из любимых словосочетаний Уитли) и возблагодарить Господа; смерть дорогого существа – урок благочестия его близким и т.д. Особняком стоят стихотворения на смерть известных проповедников и теологов⁶, которые строятся как панегирик их жизни, бывшей образцом христианского служения Богу и людям, с перечислением их заслуг, трудов и талантов. В элегии на смерть Джорджа Уайтфилда⁷ он предстает как великий пастырь, святой, сумевший привести сотни людей к спасению. Говоря о его манере проповедовать, Уитли использует два главных лейтмотива – музыка и пламя / огонь. Его речь была музыкой, и обладала таким же завораживающим действием и такой же силой пробуждать самые высокие чувства. Проповеди его были полны огня, его красноречие зажигало пламень в груди слушателей. Примечательно, что стихотворение изобилует телесными образами. Особое внимание уделяется органам речи Уайтфилда: говорится о «музыке его языка» (the music of thy tongue), о его губах, что дарят наслаждение слуху (on his lips with list'ning pleasure hung), о напряженном дыхании оратора, которое прекратилось лишь со смертью (Whitefield no more exerts his lab'ring breath). Тело Уайтфилда служит инструментом, посредством которого Бог говорит с людьми. Действие его речей также описывается через телесные образы – «в груди горит ревностное пламя», «воспламеняется сердце», «ум пленен» услышанным:

And ev'ry bosom with devotion glow'd;
Thou didst in strains of eloquence refin'd
Inflame the heart, and captivate the mind (55).

Религиозная тематика преобладает в творчестве поэтессы; помимо благочестивых размышлений, связанных со смертью и различными

⁶ “On the Death of Dr. Samuel Marshall.” (89-90); “On the Death Rev. Dr. Sewell.” (54).

⁷ “On the Death of the Rev. George Whitefield.” (55-56).

событиями жизни, Уитли отстаивает свое credo, создавая полемические стихи, направленные против атеизма и деизма⁸, а также посвящает диптих «О памяти» и «О воображении»⁹ различным способностям души и феномену творчества. Память – это залог покаяния и исправления жизни; памяти боятся преступники и грешники, а для праведников она служит источником утешения и веры. Память – это сокровищница, которой питается фантазия и поэтическое вдохновение. Воспевая воображение, поэтесса утверждает, что от созерцания природы оно поднимается к созерцанию вечного трона Создателя, воспаряет от мира земного к миру небесному. Оба стихотворения насыщены античной мифологической образностью (Феб, Геликон, Мнемозина, Сильван, Флора, Тифон, Аврора и т.д.). Античная образность изобилует и в диптихе «Гимн утру» и «Гимн вечеру»¹⁰, отмеченных явным влиянием Мильтона. Воздействие Мильтона и Поупа отчетливо заметно и в стихотворении на богословскую тему «Размышления о действии Провидения»¹¹, изобилующем аллюзиями к книге Бытия, а также олицетворениями и аллегориями (Любовь, Разум, Память, Природа, Мудрость, Доброта).

Как поэт, твердо усвоивший уроки классицизма, Уитли обращается к античным и библейским сюжетам. Сборник «Стихотворения на разные темы» открывается стихотворением «К Меценату»; «Ода Нептуну» связывает античные мотивы и опыт путешествий через Атлантику; эпиллий о Ниобее создан на основе «Метаморфоз» Овидия¹² и картины британского художника Ричарда Уилсона. Небольшая эпическая поэма «Голиаф в Гефе»¹³ представляет собой стихотворное переложение библейского сюжета (1 Цар). Влияние автора «Самсона-борца» и поуповских переводов Гомера заметно в пространных диалогах, которые составляют большую часть объема поэмы. В духе классицизма писались и стихи, обращенные к государственному мужу и аристократу лорду Дартмуту и королю Георгу¹⁴; Филлис Уитли пользуется привилегией поэта обращаться к властительным особам, говорить им истину

---

⁸ “Atheism” (115); “An Address to the Atheist” (120-121); “Deism” (122); “An Address to the Deist” (123).

⁹ “On Recollection” (76-77); “On Imagination” (78-79).

¹⁰ “An Hymn to the Morning” (73); “An Hymn to the Evening” (74).

¹¹ “Thoughts on the Works of Providence” (67-70).

¹² “To Maecenas” (49-50); “Ode to Neptune” (84); “Niobe in Distress for her Children slain by Apollo” (98-103).

¹³ “Goliath of Gath” (60-66).

¹⁴ “To the Right Hon. William, Earl of Dartmouth His Majesty’s Principal Secretary of State for North America” (82); “To the King’s Most Excellent Majesty” (53).

и даже давать наставления. В послании Георгу III, написанном в связи с отменой «гербового сбора», рисуется картина счастливого царствования монарха и процветания народов обширной империи «в любви и готовности повиноваться», а в заключительных строках содержится призыв «с улыбкой даровать подданным свободу»: «And may each clime with equal gladness see // A monarch's smile can set his subjects free!» (53)

Современницу американской революции Филлис Уитли еще в 1760-е годы волнует растущее напряжение в отношениях метрополии и колоний. Послание королю Георгу, как и стихотворение «Америка» (1768), написаны ей в 15-летнем возрасте. В 1770-е годы с началом войны за независимость в поэзии Уитли все отчетливее звучит патриотическая тема: королевская власть предстает как «беззаконная тирания», под гнетом которой стонет Америка, воспевается «прекрасная свобода», которая стала «украшением Новой Англии»:

HAIL, happy day, when, smiling like the morn,
Fair *Freedom* rose *New-England* to adorn:

[...]

15: No more, *America*, in mournful strain
Of wrongs, and grievance unredress'd complain,
No longer shalt thou dread the iron chain,
Which wanton *Tyranny* with lawless hand
Had made, and with it meant t' enslave the land¹⁵.

Героями становятся те, кто отстаивают свободу колоний, – генерал Вашингтон («великий вождь, направляемый добродетелью»), «святой», мученик свободы пленный генерал Ли¹⁶. Примечательно, что мотив «прекрасной свободы» обычно связан с независимостью колоний, а не с освобождением черных невольников. Тема рабства практически не затрагивается в поэзии Уитли. Едва ли не единственное прямое обращение к ней встречается в позднем творчестве, в стихотворении «На смерть генерала Вустера» (1778): призывая американцев быть «добродетельными, храбрыми и свободными» (*virtuous, brave, and free*), она указывает на несовместимость с этими идеалами «постыдной алчности», побуждающей держать в рабстве «невинную африканскую расу»:

¹⁵ “To the Right Hon. William, Earl of Dartmouth” (82).

¹⁶ “To His Excellence Gen Washington” (164-166), “On the Capture of General Lee” (167-169).

But how, presumtuous shall we hope to find
Divine acceptance with th' Almighty mind—
While yet (O deed Ungenerous!) they disgrace
And hold in bondage Afric's blameless race?¹⁷

В раннем стихотворении «Америка» (1768) содержатся строки, позволяющие интерпретировать их как веру в то, что освобождение колоний принесет свободу и «эфиопам», которые обретут право голоса: “Thy Power, O Liberty, makes strong the weak // And (wond’rous instinct) Ethiopians speak”¹⁸

Несмотря на практически полное отсутствие в поэтическом творчестве Уитли аболиционистской топики, нельзя сказать, что поэтесса не размышляла о проблеме рабства и свободы. Доказательством тому служит ее переписка, в частности, часто цитируемый фрагмент из письма к Самсону Оккому от 17.02.1774¹⁹. Небольшой текст письма весь состоит из легко узнаваемых культурных топосов: Уитли пишет о «естественных правах» негров, о божественной природе свободы (“in every human breast God has implanted a principle, which we call love of freedom”), причем, свобода понимается как «гражданская и религиозная» (civil and religious liberty); выражается уверенность в том, что Бог «дарует свободу в свое время и Ему одному ведомым способом». Главным пороком, порождающим рабство, является алчность (avarice). В качестве библейского праобраза рабства негров в Америке называется рабство Израиля в Египте, рабовладельцев Уитли называет «нашими современными египтянами» (our modern Egyptians). Эта топика закладывает основы афро-американского мессианского комплекса: параллель с избранным народом позволяет обосновать взгляд на черную расу как на избранную к страданиям и спасению – не только негритянского народа, но и всей Америки. Черная раса страдает «безвинно», утверждается в послании лорду Дартмуту; следовательно, Уитли отрицает идею «хамова проклятия». Аналогичное убеждение высказано и в элегии на смерть Уайтфильда, где отчетливо присутствует эгалитарная тенденция, свойственная христианству: Спаситель пролил свою драгоценную кровь за всех людей, в том числе и за африканцев, которые могут стать «сынами, царями и священниками у Бога»:

---

¹⁷ “On the Death of General Wooster” (170).

¹⁸ “America” (125).

¹⁹ Letter to Rev. Samson Occom [Phillis Wheatley 1988: 176]. Впервые опубли.: *The Connecticut Gazette* (11 March 1774).

Take him, ye *Africans*, he longs for you,
 35: "*Impartial Saviour* is his title due:
 "Wash'd in the fountain of redeeming blood,
 "You shall be sons, and kings, and priests to God²⁰.

Еще сильнее эта мысль выражена в стихотворении «На прибытие из Африки в Америку», где поэтесса открыто полемизирует с идеей «библейского проклятия» черной расы и утверждает, что и «негр, черный, как Каин», может через веру присоединиться в ангельскому сонму:

5: Some view our sable race with scornful eye,
 "Their colour is a diabolic die."
 Remember, Christians, Negroes, black as Cain,
 May be refin'd, and join th' angelic train.²¹

Стихотворение Уитли позволяет увидеть, как проникает в становящуюся негритянскую словесность формирующийся топос мессианства черной расы, который начинает складываться в эпоху Первого религиозного пробуждения в противовес топосу «библейского проклятия». Уитли отдает дань и другому общему месту: прибытие негров из Африки в Америку как движение от язычества к христианству, от тьмы к свету, от гибели к спасению. Тайнственное «действие Провидения» обращает во благо даже то, что предстает вначале как зло.

'Twas mercy brought me from my Pagan land,
 Taught my benighted soul to understand
 That there's a God, that there's a *Saviour* too:
 Once I redemption neither fought now knew (53)

В письмах Уитли также обращается к провиденциальности прибытия представителей черной расы из Африки в Новый Свет: «Возрадуемся же и преклонимся перед чудесами бесконечной любви Господа, выведшего нас из земли, напоминающей саму тьму, где Божественный свет откровения, будучи погружен во мрак, совсем не виден»²². Поэтес-

²⁰ "On the Death of the Rev. George Whitefield" (56).

²¹ "On Being Brought from Africa to America" (53).

²² Letter to Miss Obour Tanner, March 21, 1774 [Phillis Wheatley 1988: 177]. Цит. в пер. С.А. Чаковского.

са сочувственно высказывается об идее колонизации Африки; это тема, дискуссии вокруг которой только начинаются в конце 18 века, и которая станет главной в Америке конца 1810–1820-х годов:

«Я получила письмо из которого явствует, что два негра желали бы вернуться к себе на родину, дабы проповедовать Евангелие... Сердце мое наполняется радостью от мысли, что спадет густая пелена невежества»²³.

Тем не менее, нельзя утверждать, что тема библейского проклятия вовсе не волновала поэтессу. В процитированном выше письме преп. Сэмюэлу Хопкинсу, размышляя об обращении братьев по расе, оставшихся в Африке, она пишет: «Европа и Америка уже давно питаются божественной пищей и боюсь, что они пресытились ею, в то время как Африка погибает от духовного голода. О, если бы им могли достаться крохи, бесценные крохи со стола этих избранных детей Господа». Библейская аллюзия к «ханаанской жене», которая смирением и верой заслужила избавление от гибели, угрожавшей «проклятому Ханаану», весьма красноречива. Однако еще интереснее другое косвенное свидетельство размышлений поэтессы на эту тему – стихотворное переложение указанного вместо заглавия места из пророка Исайи²⁴ о дне мщения языческим народам и избрании Израиля. Выбор фрагмента обуславливает амбивалентность прочтения: речь может идти о возмездии «черным, как Каин», африканцам-язычникам, или, напротив, об отмщении «современным египтянам», в то время как страдающие и смиренные «безвинные» африканцы оказываются новым Израилем, избранным народом («подлинно они народ Мой, дети, которые не солгут»).

Подобная амбивалентность в целом присуща мышлению Филлис Уитли: в ее творчество обычно включается широкий спектр топов, в том числе и противоположных друг другу. Так, двойственным предстает в ее стихах образ Африки: это и первобытный эдем, воспоминания о котором питают фантазию («О воспоминании»), и «воображаемое счастливое лоно» родины (*Afric's fancy'd happy seat*), «цветущий рай»²⁵. Примечательно, что обращаясь к топике «Африка-эдем», поэтесса тем или иным способом подчеркивает нереальность, фантазийность такого образа исторической родины. Вместе с тем, на него работает и эпитет «невинный», «безвинный» применительно к черной расе. Образ эдема

---

²³ Letter to Samuel Hopkins, Feb. 9, 1774 [Phillis Wheatley 1988: 175]. Цит. в пер. С.А. Чаковского.

²⁴ “On Isaiah LXIII 1–8” (75).

²⁵ “To a Gentleman of the Navy” (158).

до грехопадения с его невинностью, но и невежеством, тем самым, не противоречит у Уитли образу языческой Африки, «страны заблуждений», полной тьмы, невежества и страдающей из-за отделенности от Бога, тянущейся к свету.

'Twas not long since I left my native shore
 The land of errors, and Egyptain gloom:
 5: Father of mercy, 'twas thy gracious hand
 Brought me in safety from those dark abodes.²⁶

«Безвинность» и «невежество», ведущее к заблуждениям, оказываются тесно связаны друг с другом и представляют собой взаимопроникновение просветительских (невежество и заблуждения) и руссоистских (примитивный эдем) представлений. Так или иначе, африканцы не виновны в том, что оказались в таком печальном положении, которое может быть преодолено посредством миссионерских усилий и просвещения.

Топика грамотности, просвещения, образования у Уитли также окрашена амбивалентностью: с одной стороны, знание связано с утратой невинности и первородным грехом; с другой, оно может быть обращено во благо, если сочетается с благочестием и добродетелью. Эта дилемма представлена в послании «Кембриджскому университету в Новой Англии», где поэтесса увещевает «детей науки» оставить разгульную жизнь, отвергнуть грех – «зло, вредящее душе» и «удушить смертоносного змия в зародыше» (*suppress the deadly serpent in its egg*). Студенты должны помнить о своей избранности, о призвании «воспарять к высотам», бороздить «эфирное пространство» и составлять карты «вращающихся миров» (52). Просветительский гимн науке сочетается с проповедью добродетели и назиданием юношеству и изобилует «райской» и «инфернальной» образностью.

Негр как субъект цивилизации и культуры – эта важная для возникающей традиции тема постоянно звучит у Филис Уитли. В стихотворении «О воспоминании» память об Африке питает фантазию и поэтическое вдохновение поэта; тем самым констатируется, что Африка и черная раса вводятся в поле культуры, становятся объектом изображения и трансформации, преломляясь через «магический кристалл» творчества.

²⁶ "To the University of Cambridge, in New-England" (52).

MNEME begin. Inspire, ye sacred nine,
Your vent'rous Afric in her great design.
[...]
Thy pow'r the long-forgotten calls from night,
That sweetly plays before the fancy's sight²⁷.

В стихотворении «Меценату» Уитли, называя имя Теренция, напоминает, что африканцы участвовали в создании великой античной культуры. Наконец, в стихотворении, обращенном к чернокожему художнику-рабу Сципиону Морхеду²⁸, художник уподобляется самому Великому Художнику – Творцу:

When first thy pencil did those beauties give,
And breathing figures learnt from thee to live,
5: How did those prospects give my soul delight,
A new creation rushing on my sight? (104)

Уитли говорит об искусстве художника и поэта как деятельности, которая «возвышает (elate) душу»; творчество – это созерцание Небесного Иерусалима:

Elate thy soul, and raise thy wishful eyes.
15: Thrice happy, when exalted to survey
That splendid city, crown'd with endless day,
Whose twice six gates on radiant hinges ring:
Celestial *Salem* blooms in endless spring. (105)

Принадлежность к христианской вере и в культуре, религиозное чувство и способность к познанию и творчеству доказывают, что негр обладает всей полнотой человечности и может занять достойное место в семье народов. «Африканская муза» (*Afric's muse*) с полным правом может участвовать в создании «Гимна человечеству»²⁹. Филлис Уитли прекрасно сознавала свою миссию культурного представительства от лица «детей Африки»; недаром она проводила параллель меж-

---

²⁷ “On Recollection” (76).

²⁸ “To S. M. a young African Painter, on Seeing his Work” (104-105). Сципион Морхед, раб преп. Джона Морхеда, выполнил гравюру-портрет Филлис Уитли, помещенную на фронтисписе издания ее сборника 1773 г. См. примечание Дж. Шилдса [Phillis Wheatley 1988: 295].

²⁹ “An Hymn to Humanity” (95).

ду собой и вольноотпущенником Теренцием, точно так же представлявшим гений черной расы в античной культуре. Этим объясняется частое упоминание (точнее, напоминание) в ее стихах, что эта поэзия создана «африканкой», «эфиопкой», «африканской музой». Подобные напоминания, никак не связанные с темой или сюжетом стихотворения, но, безусловно, связанные с моментом литературной конъюнктуры, обнаруживаются, например, в «Гимне человечеству», «К деисту»³⁰, уже упоминавшемся стихотворном послании студентам Кембриджа, в элегии на смерть супруги вице-губернатора³¹ и т.д. Филлис Уитли использовала вкус эпохи к экзотическому, сознательно подчеркивала свою расовую принадлежность, стремилась укрепить свой статус «достопримечательности». Как сформулировал Д. Брюс, Филлис Уитли была «достопримечательностью» (curiosity), «она была исключением, и эта исключительность делала ее интересной... цвет ее кожи не только создавал для нее препятствия, но и давал возможность стать знаменитостью и наделял моральным авторитетом в обществе» [Bruce 2001: 47]. Д. Гримстед в своем исследовании цитирует современника Уитли, французского обозревателя, который назвал чернокожую поэтессу «самым странным созданием в этой стране, а, быть может, и во всем мире»³². Ф. Уитли, подчеркивая свое африканское происхождение, прекрасно сознавала, что ее поэтическое творчество является весомым аргументом в дискуссиях о физической и культурной полноценности черной расы. Уитли демонстрирует способность «эфиопки» к восприятию культурной традиции; более того, она оказывается в силах внести свой скромный вклад в книжную культуру, правда, пока что на правах ученика, поскольку черная раса, поднимающаяся из «необразованного варварства», только начинает приобщаться к истинной вере, образованности и цивилизации. В отличие от вершинных образцов словесности конца XVIII века, творчество Уитли – одаренной и добросовестной ученицы, овладевшей поэтическим *métier* и ставшей хорошим поэтом, может послужить прекрасным образцом просветительского классицизма, «разбавленного» элементами сентиментализма. Хрестоматийный набор тем, образов, поэтических жанров, высокая степень формульности этой поэзии, добросовестное следование конвенциям в области стихосложения, стиля, немного наивная демонстрация образованности

³⁰ “An Address to the Deist” (123–124).

³¹ “To his Honour the Lieutenant-Governor, on the Death of his Lady. March 24, 1773” (106).

³² Grimstead D. “Anglo-American Racism and Phillis Wheatley’s ‘Sable Veil’, ‘Lengthen’d Chain’, and ‘Knitted Heart’.” [Women 1989: 340].

и владения библейским и античным арсеналом, назидательность, сосредоточенность на религиозно-моральных темах и явное воздействие ревивализма – весь этот комплекс, приправленный налетом экзотики, в высокой степени отвечал читательским ожиданиям, будучи частью рядовой поэтической продукции 1760–1780-х гг., заполнявшей журналы и составлявшей «культурный подлесок» эпохи.

Филлис Уитли в афроамериканской критике: динамика литературной репутации.

Среди негритянских авторов колониального и революционного периода Филлис Уитли пользуется решительным предпочтением исследователей. Обширная библиография работ разных лет, посвященная поэте, отражает динамику восприятия американским литературоведением не только ее творчества, но и негритянской словесности XVIII века. Компетентный обзор ранних рецензий на стихи Уитли Джулиана Мейсона [Phillis Wheatley 1989: xxxv-xlvii]³³ и библиографический обзор Дж. Шилдса [Schields 2008], включающий сведения о прижизненных журнальных публикациях, позволяют составить довольно адекватное представление о печатных откликах на феномен Уитли в конце XVIII- начале XIX вв. и о первых шагах в критическом осмыслении ее поэзии. Публикации об Уитли этого времени обычно состоят из биографического очерка и обзора ее поэзии и в большинстве своем отличаются снисходительностью в оценках и благожелательным тоном; рецензенты щедры на ободряющие слова в ее адрес. Почти все выражают восхищение способностями юной «эффиопки», за несколько лет сумевшей овладеть не только чужим языком, но и основами европейской образованности и поэтического мастерства.

Оценки поэзии Уитли можно разделить на три вида: 1. «Достопримечательность»: чистосердечное удивление при виде вундеркинда, сродни тому, которое испытывала европейская публика на концертах маленького Моцарта. Вчерашняя дикарка, эфиопка, овладевшая книжными знаниями и даже слагающая стихи – это воспринималось как забавный и неожиданный трюк (позиция рядового читателя). 2. Манифестация гения черной расы: поддержка и одобрение, сопряженная с верой в способность негров приобщиться к религии и культуре, стремление наделить Уитли моральным и культурным авторитетом

---

³³ На этот обзор опирается. С.А. Чаковский в своей статье о Филлис Уитли [Чаковский 1997: 693–694].

(позиция аболиционистов). Этого взгляда придерживался французский аболиционист А. Грегуар, включивший очерк об Уитли в свою книгу «О литературе негров» (1808). Стихи Уитли служат для него аргументом в пользу способностей негров; он, впрочем, упрекает поэтессу за «мелкотемье». 3. Материал для размышлений: поэзия Уитли не дает достаточных оснований, чтобы вынести обоснованное заключение о способностях негров (позиция мыслителя / наблюдателя). Ярче всего эту позицию представлял Томас Джефферсон, считавший опыты Уитли ученическими (не поэзией, а версификацией) и недостаточно убедительными, чтобы решить, являются ли они творчеством или плодом имитации, к которой, по мнению Джефферсона, склонны представители черной расы [Jefferson 1984: 267].

В эру подъема аболиционизма доминирует вторая тенденция: интерес к негритянской поэтессе усиливается и, по примеру У. Ллойда Гаррисона, с 1830-х годов ее стихотворения начинают часто публиковаться в аболиционистской печати. В это же время были написаны «Воспоминания» о Филис Уитли Маргариты Матильды Оделл, внучатой племянницы хозяйки Филис, Сусанны Уитли [Wheatley, Odel 1834]. После гражданской войны верх берут первая и третья точки зрения, так или иначе отказывающие поэзии Уитли в художественной ценности. Мозес К. Тайлер в своем фундаментальном труде высказывает убеждение, что «усилия бедной Филис» не имели никакой ценности, а значение творчества Уитли «относится к области антропологии или агиологии, но не поэзии, американской или африканской» [Tyler 1897: 186–187].

В 1900–1910-е гг., когда начинается увлечение негритянским фольклором, Уитли инкриминируется вторичность, подражательность, рабское следование белому поэтическому канону и полное отсутствие самобытности. По мнению преп. Уильяма Дж. Лонга, автора популярной истории американской литературы, Филис «поет, как канарейка в клетке, позабывшая родные напевы и подражающая тому, что слышит вокруг себя»; в ней «нет ничего от зулусов, все взято из английской гостиной» [Long 1913: 146]. В период Гарлемского ренессанса 1920-х гг. о ней пишут с уважением, как о первопроходце, стоявшем у истоков негритянской литературы, однако претензии к ней в связи со вторичностью и подражательностью ее творчества сохраняются. Джеймс У. Джонсон в предисловии к своей знаменитой антологии негритянской поэзии [The Book of American Negro Poetry 1922: xxi-xxiv] ставит Уитли в вину равнодушие к проблеме рабства, отсутствие ностальгии по утраченной родине и довольство своим положением. У. Терман при-

знает Уитли первым настоящим поэтом, «знавшим как Поупа, так и Овидия» (в отличие от еще одного негритянского поэта XVIII века Джупитера Хэммона, которому достаточно было знания Библии). Отражая интеграционистский вектор эпохи, Терман акцентирует «американский патриотизм» Уитли, а также отмечает, что несмотря на частое упоминание родной Африки, «африканскую музу» более всего интересуется христианская вера и благочестие. Терман признает поэзию Уитли скучноватой, отмечая, что, будучи последователем и подражателем А. Поупа, она как поэт лишена яркой индивидуальности и своеобразия [Thurman 2003]. В опубликованной на исходе Гарлемского ренессанса книге Вернона Логгинса [Loggins 1931] поэзия Филлис Уитли также характеризуется как подражательная, отличающаяся скудостью содержания, которое сводится в основном к общим местам.

В 1929 году Бенджамин Броли посвящает Уитли первую главу своей известной книги «Негры в литературе и искусстве Соединенных Штатов» [Brawley 1929], открывая период описательно-биографических штудий 1930–1950-х гг. Из их числа стоит особо выделить классический труд историка и литературоведа Дж. Сондерса Реддинга о негритянской поэзии, первая глава которого посвящена «первопроходцам» – Джупитеру Хэммону и Филлис Уитли. Дж. Сондерс Реддинг подчеркивает принадлежность Филлис Уитли к чернокожей элите, ее образованность и положение скорее приемной дочери, чем рабыни: «Определенно она не была поэтом-рабом (slave poet) в том смысле, в каком этот термин может прилагаться к тем, кто шел следом за ней. Она далеко отстояла от института рабства, ее породившего» [Redding 1939: 9]. Реддинг пишет об Уитли как о типичном носителе религиозного и этического сознания Новой Англии и отчетливо противопоставляет менталитет и поэзию Уитли народному творчеству негров-рабов, с которыми ее книжная образованность не имеет ничего общего. Он с осуждением перечисляет «ужасные» новоанглийские черты в творчестве Филлис: «примат духа над телом», слишком явный акцент на религии, «холодность», отсутствие «спонтанности», «энтузиазма», чрезмерная сдержанность и неоригинальность («она с готовностью подчиняется существующим формам», «следует литературной моде») [Redding 1939: 11]. Реддинг отмечает, что Уитли «в очень малой степени ощущала себя негритянским поэтом» и подчеркивает ее «полное молчание» по поводу рабства собратьев по расе [Redding 1939: 10] (в 1939 году еще не были известны ее письма и поздние стихотворения), объясняя это ее элитарным положением и отсутствием «эмоциональной связи» с ее народом. Вывод – Филлис была явлением, которое по-

родили три фактора: «ее век, семья Уитли и новоанглийская Америка» [Redding 1939: 11]. Легко заметить тенденциозный характер очерка Реддинга о Филис Уитли: создавая такой образ поэтессы, он делает ее образчиком новоанглийской традиции благопристойности (*genteel tradition*) рубежа XIX–XX вв., реакцией на которую стал модернизм. В своей книге, написанной после эпохи модернизма и негритянского ренессанса, когда негр воспринимался как воплощение раскованности, спонтанности, гедонизма, чувственности, Реддинг ассоциирует Уитли не столько с XVIII веком, сколько с викторианской благопристойностью и «эпохой упадка» (*nadir*) в негритянской литературе, когда во главу угла ставились ценности образованного среднего класса с его установкой на ассимиляцию ценой отказа от расовой самобытности. Если Филис Уитли была порождением своего века, то же самое можно сказать и об исследовании Дж. Сондерса Реддинга.

Сравнительно недолгий период объективного и собственно научного исследования творчества Уитли начинается с середины 1930-х годов и длится вплоть до великой «смены вех», то есть до середины 1960-х. Важнейшим достижением этого времени стало издание собрания сочинений поэтессы под редакцией Джулиана Мейсона (1966; 2-е изд. 1989 [Phillis Wheatley 1989])³⁴, которое на протяжении 30 лет оставалось самым полным и компетентным изданием Уитли. Фундаментальная вступительная статья Мейсона к этому тому до сих пор не потеряла своего значения. Биографический очерк и анализ творчества выполнены в лучших традициях классической истории литературы, дается взвешенная, документально и исторически обоснованная оценка дарования поэтессы, ее места в американской и, в частности, в негритянской литературной традиции, исследуется связь творчества Уитли с эпохой во всем ее разнообразии (американская революция, религиозная мысль, расовые отношения и проч.) и основными литературными направлениями конца XVIII века. Этот труд появился уже в новую эпоху воинствующего национализма и возникновения черной эстетики.

Творчество Филис Уитли традиционно оценивалось негативно афроамериканскими деятелями-этноцентристами. Г.Л. Гейтс возводит эту традицию к «одному из основателей черного национализма» [Gates 2003: 46] Эдварду У. Блайдену, уничижительно отзывавшемуся о поэтессе еще в 1887 г. [Blyden 1887]. Подобное отношение к Уитли достигает пика в годы черной революции 1960-х; критика приобретает ти-

³⁴ The Poems of Phillis Wheatley, ed. Julian D. Mason Jr. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 1966. Repr. 1989.

пичный для этой эпохи характер шельмования. В 1960-е гг., к тому же, аисторичность мышления возводится в принцип. С. Гросс [Images of the Negro 1966: 3–4]³⁵ обнаруживает у Ф. Уитли «синдром дяди Тома» (возникший у нее задолго до появления знаменитого романа Бичер-Стоу); Лерой Джонс (Амири Барака) в эссе «Миф о негритянской литературе» (1962) заявляет, что Уитли занималась подражанием английским поэтам XVIII в., будучи «страшно далека от народа» – от холлерс, шаутс, песен и прочих форм аутентичного фольклора, который и воплощает подлинный дух расы [Jones 2009: 124–125]. Еще жестче выражается С. Хендерсон: в поэзии Уитли он усматривает «пренебрежительное отношение к африканскому наследию» и «застарелую ненависть к себе», которые «отравляют» расовое самосознание и составляют «элемент ниггера в опыте черной расы» (the *nigger* component of the Black Experience) [Cook, Henderson 1969: 84–85, 87]. Э. Мфалеле отмечает, что поэзия Уитли выдержана «в белом духе» [Mphahlele 1972]. Э. Гейл, один из основателей «черной эстетики», утверждает, что Уитли была первым черным автором, добровольно принявшим образы и символы, которые навязывались черной расе угнетателями; она отказалась от права на самоопределение, вручив его рабовладельцам [Gayle 1975].

Г.Л. Гейтс, критикуя «перегибы» националистической критики, иронически пишет о том, что Филис Уитли гораздо легче было пройти через пресловутый «бостонский трибунал», чем через судилище современных адептов «черной эстетики»:

Подобные примеры могут быть умножены. Но уже совершенно ясно, свидетелями чего мы стали. Критика Джефферсона воспроизводится из поколения в поколение черными писателями и критиками... Филис Уитли, с огромным трудом добившаяся признания своего авторства в свое время, теперь стала символом фальши, искусственности, бездуховной и затверженной условности. Новый передовой отряд культуры стремится к полицейскому контролю и патрулированию границ черного искусства, и великолепная карета Филис Уитли превратилась в повозку осужденного на казнь... «Знакомьтесь: Филис Уитли, предательница черной расы» [...] Сегодня главный вопрос – «Кто на свете всех чернее?» Прочитированные критики создали собственную допросную команду точно так же, как Томас Хатчинсон в далекий октябрьский день 1772 года. Легко

---

³⁵ *Images of the Negro in American Literature*, ed. S. L. Gross. Chicago, IL: Chicago University Press, 1966: 3–4.

представить себе, как Филис Уитли стоит перед новым судилищем 1960–1970-х под перекрестным допросом «революционеров» в дашики и с прическами в стиле «афро»: «Какова степень родства Огуна и Эшу?» «Перечисли шестнадцать главных богов пантеона йоруба!» «Каковы африканские корни сантерии?» И, наконец, «Что ты будешь делать, сестра, когда начнется революция?» [Gates 2003: 48].

Несмотря на всю язвительность этой критики Гейтса, она не носит принципиального характера и нацелена исключительно на прямолинейность и «первозданный пыл», с которым черные революционеры-шестидесятники принялись за изобретение «самобытной черной эстетики» и «чистку рядов». В постшестидесятническую эпоху, начиная с 1980-х гг., с утверждением в гуманитарной сфере постструктурализма, определившего облик гендерных исследований и афроамериканистики, идеология так же решительно, как и в 1960–1970-е гг., берет верх над научным подходом, однако методы становятся гораздо изощреннее. С появлением в конце 1990-х гг. тенденции к пересмотру и переписыванию истории прежде непопулярных ранних этапов негритянской литературы (XVIII–XIX вв.), Филис Уитли начинает стремительно набирать популярность и вскоре в прошлом весьма скромная «эфиопская поэтесса» превращается в главную и чуть ли не титаническую фигуру, возвышающуюся «у истоков», в тени которой теряются скромные служители муз колониального периода, вроде Анны Брэдстрит, Джона Грамбулла или Джоэла Барлоу. В это время издаются все новые собрания сочинений негритянской поэтессы ([Phillis Wheatley 1988]; [Phillis Wheatley 2001]) выходит много популярных книжек о ней «для детей и юношества» ([Doak 2006]; [Borland, Speicher 2005]). Что касается университетской науки, то Филис Уитли, афро-американка, женщина и рабыня, становится весьма привлекательной приманкой для новейшей генерации критиков-мифотворцев.

Учитывая тот факт, что объективно фигура Филис Уитли и особенно ее поэзия – не слишком благодатный материал для постшестидесятнических этнореваншистов (не зря упреки в «нерасовом» (unracial) характере творчества поэтессы неоднократно раздавались еще в критике первой половины XX в.), достижение поставленной цели – пополнение африкано-американского пантеона аутентичных и этносознательных авторов – потребовало усилий и креативных разработок. В отношении Уитли возобладала стратегия «перевернутой тележки с яблоками»: отрицание прежних интерпретаций и создание кардинально нового образа поэтессы, каким бы абсурдным и фантастичным

он ни казался с точки зрения фактов и науки. Для этого применяются разные приемы; прежде всего, это выбор темы для исследования. Например, Г.Л. Гейтс, очевидно считая собственно поэзию Уитли невыигрышным материалом для поставленной цели, обращается к «суду над Филлис Уитли» – «экзамену», устроенному начинающей поэтессе почтенными гражданами Бостона, подписавшими «свидетельство о подлинности» ее авторства; попутно у Гейтса говорится и об отношении к ней «отцов-основателей» [Gates 2003]. Такой выбор позволяет сделать акцент на «унижениях», которым подвергали одаренную негритянку «почтенные граждане» и «отцы-основатели», окружить Филлис Уитли мученическим ореолом и заодно исподволь понудить читателя задаться вопросом о том, кто были истинные герои американского XVIII века – «расисты», вроде Т. Джефферсона, или их талантливые «жертвы». Покровительство графини Хантингдон и других влиятельных особ, усилия бостонского круга поклонников и семьи Уитли по «продвижению» ее творчества при этом либо оказываются в тени, либо воспринимаются как нечто само собой разумеющееся.

Целый спектр техник, которые пристали скорее иллюзионисту, нежели ученому, демонстрирует Джон С. Шилдс, который вполне может претендовать на звание «главного уитливеда». Джон С. Шилдс, почетный профессор английского отделения кафедры университета Иллинойса – основатель Центра изучения классицизма, целью которого объявляется «изучение классического и иудео-христианского элементов в личности американца»³⁶. Джон С. Шилдс известен как редактор собрания сочинений Уитли [Phillis Wheatley 1988], автор ряда статей об ее творчестве³⁷, составитель и редактор сборника статей об Уитли [New Essays 2011] и автор монографий «Филлис Уитли и романтики» [Schields 2010] и «Поэтика освобождения Филлис Уитли» [Schields 2008] – на этой последней его работе мы остановимся, как на характерном примере переосмысления наследия XVIII–XIX вв. в современной афроамериканистике.

Тенденциозность книги открыто демонстрируют введение и заключение: их заглавия («Предрассудки» и «Заключительные замеча-

---

³⁶ См. сайт Центра: URL <http://aeneas.illinoisstate.edu/>. Исследовательские принципы Центра основаны на книге Шилдса «Американский Эней» [Shields 2001], где в противовес «американскому Адаму» и христианским архетипам, положенным в основу новой нации, отстаивается «недооцененное классическое» (то есть, античное) наследие, а именно вергилиев миф об Энее и идея преемственности с древним Римом.

³⁷ Наиболее известные из них – [Shields 1980a], [Schields 1980b].

ния: восстановленное достоинство поэзии Уитли») говорят сами за себя, они скорее подходят для памфлета, апологетического сочинения, манифеста, чем для научного исследования. Заявка на тотальное мифотворчество делается здесь с самого начала, в предисловии: «Кто же такая Филис Уитли? Хотя ее безусловно гениальное творчество сопротивляется четким определениям, мы с уверенностью можем сказать, кем она не является. Она никому не подражает. Она не вторична. Она не пишет в духе белой традиции (*She is not the one who wrote white*). И она не приверженец религиозной догмы» [Schields 2008: ix]. Уитли объявляется поэтом этнически-самобытным, оригинальным, более того, – гениальным. В монографии методично и упорно создается (точнее, сочиняется) этот не имеющий почти ничего общего с реальностью образ поэтессы.

Прежде всего, Филис Уитли, в соответствии с заглавием, превращается в пламенного поборника всяческой «вольности» – в борца за независимость колоний, за права женщин и за отмену рабства – хотя Филис-практически не пишет в стихах о рабстве, да и независимость Америки не является у нее существенной темой. Тем не менее, Дж. Шилдс представляет Филис чуть ли не аболиционисткой, которая сочетала «набожность в духе новоанглийского конгрегационализма» с критическим отношением к обещаниям грядущего всеобщего равенства на небесах, так как видела в них попытку смягчить реальную практику рабства [Schields 2008: 4]. Оказывается, что Уитли сознательно создает в своем творчестве «поэтику освобождения», что забота о черных братьях и сестрах, пребывающих в рабстве, – главная цель ее творчества [Schields 2008: 26]. Далее в тексте тезис «Уитли – борец за вольность и аболиционистка» возникает, как само собой разумеющийся, как бесспорная аксиома; так, на с. 41 автор выражает удивление, что Уитли – «художнику, полностью посвятившему себя освобождению угнетенных, вообще разрешали писать», хотя понятно, что даже если бы Филис и писала об отмене рабства, никто бы ей этого не запрещал, учитывая высокую активность аболиционизма в Британии и Новой Англии и близящуюся отмену рабства в северных штатах. Далее Дж. Шилдс вплетает в свой текст высказанную Д. Гримстедом и другими исследователями мысль о восприятии Уитли как «достопримечательности» (*curiosity*), которая, будучи выхваченной из прежнего контекста и поставленной в новый, обретает иной смысл: в известной степени то, что ее не воспринимали всерьез, обернулось для нее удачей, и ей было позволено говорить вслух небезопасные вещи. Так используется распространенная в мифотворче-

ской критике техника «бриколажа» (выхватывание фразы или мысли из контекста, перенос в другой контекст с изменением смысла и соединение таких «фрагментов» в некую «новую теорию»). В данном случае бриколаж перекидывает мостик к еще одному излюбленному мифу постшестидесятников – «субверсивности», скрытом подрывном характере «афро-американских текстов» XVIII-XIX вв.; указания на «субверсивность» поэзии Филис далее рассыпаны по тексту [Schields 2008: 64, 107–108, etc.].

«Субверсивность» «черного текста», согласно постшестидесятиникам, – форма бунта против угнетения, основанная на «исконном» (vernacular) африканском субстрате, лежащем в основе «афро-американской» культуры. Чтобы «доказать», что Филис «не следует белому канону», в ход идут самые разные приемы. Во-первых, это прием «негатива», когда черное объявляется белым и vice versa: например, оказывается, что смысл известного стихотворения Уитли «На прибытие из Африки в Америку» – обличение белых христиан [Schields 2008: 106–108], хотя в нем говорится о том, что прибытие африканцев в Новый Свет стало великим благом, т.к. позволило чернокожим язычникам приобщиться к свету Христовой веры. Затем, прием «замутнения» – искусственного запутывания и «проблематизации» устоявшихся терминов и понятий: в полемике с утверждением о принадлежности Филис Уитли «англо-американской традиции» делается попытка «дезаурировать» это «часто повторяемое словосочетание, смысл которого авторы не дают себе труда пояснить» [Schields 2008: 86–87]. Порой, напротив, используется примитивизация сложных понятий; например, в стихотворении «О воображении» усматривается «память об африканском наследии», которую сохранила «чернокожая женщина», так как прославление воображения / фантазии объявляется противоречащим конвенциям классицизма и просветительства [Schields 2008: 41].

Африканскому «исконному» субстрату у Филис Уитли посвящена целая глава «Африканские истоки» – образчик дерридеанского «поэтического мышления», развернутая «фантазия-экспромт» длиной в 30 страниц, где в стихах и особенно элегиях на смерть (излюбленный жанр Уитли) обнаруживаются остатки африканского анимизма и фетишизма, солярных культов и ислама [Schields 2008: 100–101]. Вместо влияния Мильтона и Поупа в ритмике и образности стихов Уитли отыскивается скрытое воздействие «африканской устнопоэтической традиции»: например, вычленяются африканские реликты вроде структур зова-ответа [Schields 2008: 108–118]; в эпиллии о Ни-

обе образы греческих богов, оказывается, восходят к африканским божествам [Schields 2008: 119–120], и т.д. и т.п. Сам автор, впрочем, честно объявляет о том, что ничто из написанного им в этой главе, не может считаться наукой: «Несомненно, британская, американская и классическая культура оказали на Уитли решающее влияние. Однако игнорировать ее африканское происхождение, во-первых, просто нечестно, а, во-вторых, это нанесло бы непоправимый ущерб восприятию ее поэзии. Поскольку, к великому сожалению, осталось крайне мало сведений о земле, откуда она была родом – за вычетом того общеизвестного факта, что она родилась в Африке, по необходимости придется прибегнуть к домыслам и предположениям (speculations)» [Schields 2008: 98]. Это признание справедливо и в отношении попыток отыскать сходство поэзии Филис с «афро-американским фольклором», например, со спиричуэлс [Schields 2008: 64] – вещь, невозможная для возникающей негритянской словесности, которая была частью книжной культуры XVIII века.

Цель этих «спекуляций» автором отнюдь не затушевывается; Дж.С. Шилдс честно признается в насущной потребности сделать из Филис Уитли одного из основателей «черной эстетики»: «Жизнь и творчество Филис Уитли показывает, что она была частью феномена, который Пол Гилруа называет черной Атлантикой» [Schields 2008: 41]. Ради этой сверхзадачи можно закрывать глаза на существующие факты и изобретать «факты» несуществующие.

Органичной частью создания мифа о великой и самобытной афро-американской культуре XVIII–XIX вв. являются попытки укрупнения (раздувания) масштаба негритянских авторов. По мере укрепления позиций мифотворцев в сфере гуманитарного знания, дарования, признававшиеся в прошлом весьма скромными, вырастают до размеров гениев. Стремясь вывести в гении свою героиню, Дж. С. Шилдс прибегает к ряду приемов. К разряду «домыслов» относится тезис о том, что поэтесса владела многими языками. Объявляя ее «полиглотом», Шилдс приписывает ей владение ее родным наречием фула; «возможное некоторое знакомство с арабским», несмотря на полное отсутствие каких-либо фактов, подтверждающих это, а также английским и латынью. Очевидно, что «фула» – это не язык книжной культуры, и потому никак не значим для Уитли-поэта, тем более, что по прибытии в Бостон она вскоре позабыла его. Тезис о владении арабским как языком культуры также не выдерживает критики (Уитли отбыла в Америку 7 лет от роду). Остаются английский и латынь – знания, которые получал в XVIII веке каждый школьник.

Шилдс также использует две дополняющие друг друга техники по изменению гештальта: возвышение Уитли и адаптация культурного контекста. С одной стороны, для придания масштабности ее фигуре культурный контекст неоправданно расширяется, становясь безразмерным: оказывается, к Филлис Уитли имеют отношение и Вольтер, и Юм, и французские энциклопедисты, и немецкие романтики, – словом, идет перечисление громких имен, которые должны создать «звездную компанию» для провинциальной негритянской поэтессы. Проблема лишь в том, что вся эта «компания» при пристальном взгляде оказывается «случайным семейством»: автор вовсе не заботится об установлении круга чтения Уитли и реального набора референтных имен. Вместо кропотливой работы с фактами он снова принимается за «спекуляции» – колоссальный кругозор Уитли оказывается «вполне возможным» или «весьма вероятным», например: «Вполне возможно, что молодая чернокожая интеллектуалка была знакома с сочинением Монтескье “Дух законов”» [Schields 2008: 27].

С другой стороны, Шилдс стремится «приспособить» культурный контекст к личности и дарованию Уитли и с этой целью объявляет, что намерен подвергнуть критическому пересмотру понятия «классицизм», «предромантизм», доказать, что влияние Поупа, Мильтона и Драйдена на Филлис Уитли сильно преувеличено [Schields 2008: 4–5], а заодно отстоять самобытность американской поэзии XVIII века [Schields 2008: 18–19], возражая против очевидного факта – что эта поэзия в целом и в особенности поэзия Уитли, ориентировалась на британские образцы [Schields 2008: 4–5]. Таким образом, путем деформации культурного контекста меняется соотношение «фигура-фон».

Примечательно, что за двадцать лет до появления «Поэтики освобождения» Дж.С. Шилдс солидаризировался с оценкой Филлис Уитли как «не великого, но хорошего поэта» [Phillis Wheatley 1988: 267]. Теперь он кается в этом «заблуждении», почувствовав, что пришло время, когда объявление Уитли «гением» может быть воспринято гуманитарным обществом без дружного смеха, недоумения или негодования. Политкорректный диктат так укрепился за минувшие 20 лет, что почти не найдется ученых, которые осмеливались бы возражать против мифотворчества в афроамериканистике и выступать в защиту научной истины. Шилдс кается в том, что признать Уитли гениальным поэтом еще 20 лет назад ему мешали «расистские предрассудки» [Schields 2008: 47] (речь идет о конце 1980-х гг.). Тем не менее, это, оказывается, были те же «предрассудки», которые в свое время помешали признать гениальность Филлис ее собрату по расе, писателю, поэту и составителю антологии негритянской

ской поэзии Дж. Уэлдону Джонсону [Schields 2008: 47]³⁸ – словно бы и не было тех 65 лет, что отделяют антологию Джонсона от «Собрания сочинений Уитли» Шилдса. От покаяния Дж. Шилдс тут же переходит в атаку на расизм – противника столь же выигрышного, сколь и неуловимого, создающего «интеллектуальное алиби» любым волонтаристским построениям: «Я нахожу, что основная причина плачевного уровня, в котором находились афро-американские исследования в начале своего существования, заключается в тотальном обесценивании и очернении афро-американской культурной истории» [Schields 2008: 47].

Кто же «чернит» афро-американскую культурную историю? Разумеется, прежде всего расисты, коим несть числа, ибо в их рядах оказываются у Шилдса и Джефферсон, и Вольтер и даже Юм [Schields 2008: 48]; видимо, в пределе следует объявить «сплошным расизмом» все, созданное западной культурой, как античной, так и «иудео-христианской» от Гомера и до сего дня. Введение к книге начинается с предъяснения Т. Джефферсону тяжкого обвинения в расизме. Это, разумеется, не столь заметное достижение, как объявить расистом Линкольна³⁹, но все же Шилдс явно намерен положить конец «двусмысленностям» и «сложностям» в толковании «Записок о Виргинии», писем и прочих текстов Джефферсона. Неоднозначность взглядов Джефферсона на расовый вопрос и привязка к историческому контексту тут же «срезается» посредством приема, прямо противоположного «замутнению» – примитивизации и аисторичности в толковании текстов, хронологически далеко отстоящих от нашего времени и созданных в совершенно иную эпоху. Обличая расизм, который перегородил Филип Уитли дорогу в гении, Шилдс в полемическом запале объявляет, что никто из ее современников, «белых расистов», не смог по достоинству оценить ее творчество: «...поэзия была для молодой образованной женщины инструментом выживания среди угнетателей, которые, вслед за Джефферсоном, не были способны услышать ее и оценить ее усилия» [Schields 2008: 41], – хотя известно, что Уитли была окружена белыми поклонниками и патронами, вполне бескорыстно ей помогавшими. Тем не менее, эти факты не интересуют Шилдса; ему нужно отыскать или придумать другие факты, которые бы создавали впечатление, будто Уитли была окружена «заговором молчания» и завистью белых коллег

³⁸ Речь идет о знаменитой антологии негритянской поэзии, составленной Дж. У. Джонсоном, которая стала крупным культурным событием в 1920-е гг. [The Book of American Negro Poetry 1922].

³⁹ Как это делает Г. Л. Гейтс в вышедшей под его редакцией книге [Abraham Lincoln 2009]. Об этом см. [Панова 2010].

по цеху (именно это непонятно на каком основании инкриминируется бостонской поэтессе Джейн Данлэп, «осмелившейся» упомянуть Уитли и ее элегию на смерть Уайтфильда в своем стихотворении [Schields 2008:6]). «Расистские установки» явно или скрыто прочитываются Шилдсом и в тех критических работах, посвященных Уитли, где сохраняется уважение к исторической правде и делаются попытки предложить объективный анализ творчества поэтессы в контексте эпохи.

Первые две главы монографии Шилдса представляют собой подробный комментированный обзор «уитливедения» – начиная от прижизненных рецензий и откликов в прессе до современных исследований. С самого начала берется агрессивный тон по отношению к «врагам», с которыми предстоит как следует «разобраться»: «...кое-что из этой так называемой «критики» заслуживает внимания хотя бы из-за злоупотребления текстами Уитли» [Schields 2008: 13], – пишет Дж. Шилдс. В числе врагов, явно или скрыто «льющих воду на мельницу расизма» оказываются серьезные и добросовестные исследователи Уитли, например, Джулиан Мейсон, осмелившийся утверждать, что Уитли училась искусству поэзии, по переводу Гомера А. Поупа [Mason 1989: 4]. Шилдс критикует классические труды по истории колониальной литературы США [Schields 2008: 5] за то, что там упоминаются Анна Брэдстрит и Трамбулл, но ни слова не говорится о Филлис Уитли.

Однако «досадные промахи» отыскиваются и у тех, кто мог бы составить когорту союзников. Так, Шилдс не одобряет в принципе справедливое мнение гендерного критика Шерил Уокер [Walker 1982], что поэзия Уитли ничего не дает в плане расового и гендерного содержания [Schields 2008: 6]. Определены и союзники, в числе которых, разумеется, Г.Л. Гейтс, упомянутый в списке «благодарностей».

Консолидации единомышленников, очевидно, должен был послужить только что вышедший сборник статей о Филлис Уитли под общей редакцией Дж. Шилдса [New Essays 2011]. Шилдс, подвергший критике Гарольда Блума⁴⁰ за его принципы составления критической антологии, посвященной негритянской поэзии, представляет идеологически выдержанный набор статей, написанных авторами, которых трудно заподозрить в беспристрастности. Участники сборника – воинствующие сторонники сотворения автономной, «исконной» афро-американской традиции, качественно отличной от «евро-

---

⁴⁰ В свой сборник «Афро-американские поэты: от Филлис Уитли до Мелвина Б. Толсона» Блум включил две блестящие статьи об Уитли: O’Neale S. “A Slave’s Subtle War: Phillis Wheatley’s Use of Biblical Myth and Symbol”; Mason, Julian D. Jr. “Introduction to the Poems of Phillis Wheatley” [African American Poets 2003: 47–94].

пейско-американской» культуры. Среди них – Морин Андерсон со статьей «Дидона Филис Уитли: анализ “Гимна человечеству”» [New Essays 2011: 3–18]: отрицая «приверженность Уитли иудео-христианской гимнической традиции», автор обнаруживает, что Уитли сосредоточена на женском образе африканки Дидоны, что, несомненно, доказывает «исконность» и «афро-американскость» ее творчества, критическое отношение поэтессы к «патриархальному духу колониальной американской культуры». Другой образчик афро-американо-гендерных штудий – Девона Мэллори со статьей «”Я помню маму”: почитание богини-матери и отвержение Бога рабовладельцев в поэзии Филис Уитли» [New Essays 2011: 19-34]: здесь нам демонстрируют «субверсивную стратегию» Уитли, которая, как свойственно «афро-американскому трикстеру», хитро обводит вокруг пальца самодовольных белых читателей и под видом белого Бога воспевает африканскую богиню-мать, образ которой навеян смутными воспоминаниями поэтессы о ее родной матери. Есть здесь статьи, в которых Филис предстает аболиционисткой и политическим борцом⁴¹, поборником идей панафриканизма⁴² и т.д. и т.п.

Цель таких «исследований» очевидна – внедрение в сознание мифа о Филлис Уитли, который является феноменом идеологии, а не гуманитарной науки. Технология навязывания этого мифа научным кругам не отличается разнообразием – апелляция к постструктуралистской теории, стирающей различия между исследованием и изобретением, знанием и мифотворчеством, фактом и нарративом; внушение методом «заклинаний» (incantations) и повтора основных постулатов для создания «эффекта привыкания».

«Фигура Филлис Уитли интересна с исторической точки зрения, ее произведения также важны и интересны – особенно в контексте тогдашнего времени и места... Она не была великим поэтом... У нее были честолюбивые устремления, но она сознавала и свою ограниченность; ее темы были не слишком впечатляющими и возвышенными. Она главным образом старалась облечь в стихотворную поэтическую форму те мысли, что ей довелось узнать, важнейшие и переломные события, составлявшие опыт ее современников-бостонцев – то, как они воспринимали жизнь, смерть, перемены изо дня в день, из года в год. В большинстве случаев то, чем она писала, не выходило за пределы

⁴¹ Dovell K. L. “The Interaction of the Classical Traditions of Literature and Politics in the Work of Phillis Wheatley.” [New Essays 2011: 35–56].

⁴² M’Baye, B. “The Pan-African and Puritan Dimensions in Phillis Wheatley’s *Poems and Letters*.” [New Essays 2011: 271–294].

ее круга, хотя время от времени она обращалась и к более общим вопросам, главным образом, в связи с американской революцией, а также старалась подняться до обобщений, трактуя локальные темы» [Mason 1989: 13–14], – объективный исследователь, знакомый с историческим контекстом, не может не присоединиться к этой точной и взвешенной оценке творчества негритянской поэтессы, данной Дж. Мейсоном. Однако значение Филлис Уитли для американской литературной истории не ограничивается уровнем ее мастерства и масштабом ее поэтического дарования. Для ее современников эта европейски образованная, талантливая чернокожая женщина стала живым – и самым убедительным доказательством духовной и культурной полноценности черной расы, ничем не уступающей в цивилизационном отношении расе белой – при условии, что для личностного и культурного развития африканцев и афроамериканцев будут созданы необходимые условия.

ЛИТЕРАТУРА

- [Апенко 1999] – Апенко Е.М. Жизнь и творчество Филлис Уитли // Литература в зеркале эпохи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 55–62.
- [Панова 2010] – Панова О.Ю. Черным по белому. о рабстве и рабах в американистике // Вопросы литературы. 2010. № 5. С. 454–463.
- [Чаковский 1997] – Чаковский С.А. Филлис Уитли – первая негритянская поэтесса США // История литературы США. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН-Наследие, 1997. С. 688–701.
- [Abraham Lincoln 2009] – *Abraham Lincoln on Race and Slavery*, eds. H.L. Gates Jr., D. Yacovone. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009.
- [African American Poets 2003] – *African-American Poets: Phillis Wheatley through Melvin B. Tolson*, ed. H. Bloom. New York: Chelsea House, 2003.
- [Blyden 1887] – Blyden, E. W. *Christianity, Islam, and the Negro Race*. London: W.B. Whittingham, 1887.
- [The Book of American Negro Poetry 1922] – *The Book of American Negro Poetry*, ed. J.W. Johnson. New York: Harcourt, Brace and Co., 1922.
- [Borland, Speicher 2005] – Borland, K. K., Speicher, H.R. *Phillis Wheatley: Young Revolutionary Poet*. Carmel, IN: Patria Press, 2005.
- [Brawley 1929] – Brawley, Benjamin Griffith. “The Negro Genius. Phillis Wheatley.” Brawley, Benjamin Griffith. *The Negro in Literature and Art in the United States*. New York: Duffield & Company, 1929: 10–32.
- [Bruce 2001] – Bruce, D. D. *The Origins of African American Literature, 1680–1865*. Charlottesville: University Press of Virginia, 2001.
- [Phillis Wheatley 1988] – *The Collected Works of Phillis Wheatley*, ed. J.C. Shields. Oxford; New York: Oxford University Press, 1988.
- [Phillis Wheatley 2001] – *Complete Writings by Phillis Wheatley*, ed. V. Carretta. New York: Penguin Books, 2001.
- [Cook, Henderson 1969] – Cook, M., Henderson, S. *The Militant Black Writer in Africa and the United States*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1969.
- [Doak 2006] – Doak, R. S. *Phillis Wheatley: Slave and Poet*. Minneapolis, MN: Compass Point Book, 2006.

[Gates 2003] – Gates, H.L. Jr. *The Trials of Phillis Wheatley: America's First Black Poet and Her Encounters with the Founding Fathers*. New York: Basic Civitas Books, 2003.

[Gayle 1975] – Gayle, A. *The Way of the New World: The Black Novel in America*. Garden City, NY: Anchor Books, 1975.

[Images of the Negro 1966] – *Images of the Negro in American Literature*, ed. S. L. Gross. Chicago, IL: Chicago University Press, 1966.

[Jefferson 1984] – Jefferson, T. *Notes on the State of Virginia*, ed. D. Merrill. New York: Peterson Library of America, 1984.

[Jones 2009] – Jones, L. (Amiri Baraka). “The Myth of a ‘Negro Literature’.” (1962) Jones, L. (Amiri Baraka). *Home: Social Essays* (1966). New York: Akashic Books, 2009: 124–135.

[Loggins 1931] – Loggins, V. *The Negro Author: His Development in America*. New York: Columbia University Press, 1931.

[Long 1913] – Long, W.J. *American Literature*. Boston, MA; New York: Ginn and Company, 1913.

[Mason 1989] – Mason, J. D. Jr. “On the Reputation of Phillis Wheatley, Poet.” *The Poems of Phillis Wheatley*, ed. J. D. Mason Jr. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 1989: i-xxxiv.

[Mphahlele 1972] – Mphahlele, E. *Voices in the Whirlwind and Other Essays*. New York: Hill and Wang, 1972.

[New Essays 2011] – *New Essays on Phillis Wheatley*, eds. J. C. Shields, E. D. Lamore. Knoxville, TN: University of Tennessee Press, 2011.

[Phillis Wheatley 1989] – *The Poems of Phillis Wheatley*, ed. J.D. Mason Jr. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 1989.

[Phillis Wheatley 1773] – *Poems on Various Subjects, Religious and Moral*. By Phillis Wheatley, Negro Servant to Mr. John Wheatley of Boston. London: Printed for Archibald Bell, 1773.

[Redding 1939] – Redding, J.S. *To Make a Poet Black*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1939.

[Schiels 2001] – Shields, J.C. *The American Aeneas: Classical Origins of the American Self*. Knoxville, TN: University of Tennessee Press, 2001.

[Schiels 1980a] – Shields, J.C. “Phillis Wheatley and Mather Byles: A Study in Literary Relationship.” *College Language Association Journal* XXIII:4 (June, 1980): 377–390.

[Schiels 1980b] – Shields, J.C. “Phillis Wheatley's Use of Classicism.” *American Literature* LII: 1 (1980): 97–111.

[Schiels 2008] – Shields, J.C. *Phillis Wheatley's Poetics of Liberation: Backgrounds and Contexts*. Knoxville, TN: University of Tennessee Press, 2008.

[Schiels 2010] – Shields, J. C. *Phillis Wheatley and the Romantics*. Knoxville, TN: University of Tennessee Press, 2010.

[Thurman 2003] – Thurman, W. “Negro Poets and Their Poetry.” *The Collected Writings of Wallace Thurman*, eds. A. Singh, D.M. Scott III. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2003: 206–207.

[Tyler 1897] – Tyler, M. C. *The Literary History of the American Revolution, 1763-1783*. New York; London: G. P. Putnam's Sons, 1897.

[Walker 1982] – Walker, C. *The Nightingale's Burden: Women Poets and American Culture before 1900*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1982.

[Wheatley, Odell 1834] – Wheatley, P., Odell, M.M. *Memoir and Poems of Phillis Wheatley, a Native African and a Slave*. Boston, MA: Published by Geo W. Light, 1834.

[Women 1989] – *Women in the Age of American Revolution*, eds. R. Hoffman, P.J. Albert. Charlottesville, VA: University Press of Virginia, 1989.

REFERENCES

- Abraham Lincoln on Race and Slavery*, eds. H.L. Gates Jr., D. Yacovone. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009.
- African-American Poets: Phillis Wheatley through Melvin B. Tolson*, ed. H. Bloom. New York: Chelsea House, 2003.
- Apenko, E.M. "Zhizn' I tvorchestvo Phillis Wheatley." ["Phillis Wheatley: Life and Works."] In *Literatura v zerkale epokhi. [Literature in the Mirror of the Epoch]* Saint-Petersburg: SPbGU Publ., 1999: 55–62. (In Russ.)
- Bylden, E. W. *Christianity, Islam, and the Negro Race*. London: W.B. Whittingham, 1887.
- The Book of American Negro Poetry*, ed. J.W. Johnson. New York; Harcourt, Brace and Co., 1922.
- Borland, K. K., Speicher, H.R. *Phillis Wheatley: Young Revolutionary Poet*. Carmel, IN: Patria Press, 2005.
- Brawley, Benjamin Griffith. "The Negro Genius. Phillis Wheatley." Brawley, Benjamin Griffith. *The Negro in Literature and Art in the United States*. New York: Duffield & Company, 1929: 10–32.
- Bruce, D. D. *The Origins of African American Literature, 1680-1865*. Charlottesville: University Press of Virginia, 2001.
- Chakovsky, S.A. "Phillis Wheatley – pervaya negrit'anskaia poetessa SShA." ["Phillis Wheatley, the First Blackamerican Poet in the USA."] In *Istoria literary SShA. [Literary History of the USA]* Vol. I. Moscow: IMLI RAN-Nasledie Publ., 1997: 688–701. (In Russ.)
- The Collected Works of Phillis Wheatley*, ed. J.C. Shields. Oxford; New York: Oxford University Press, 1988.
- Complete Writings by Phillis Wheatley*, ed. V. Carretta. New York: Penguin Books, 2001.
- Cook, M., Henderson, S. *The Militant Black Writer in Africa and the United States*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1969.
- Doak, R. S. *Phillis Wheatley: Slave and Poet*. Minneapolis MN: Compass Point Book, 2006.
- Gates, H.L. Jr. *The Trials of Phillis Wheatley: America's First Black Poet and Her Encounters with the Founding Fathers*. New York: Basic Civitas Books, 2003.
- Gayle, A. *The Way of the New World: The Black Novel in America*. Garden City, NY: Anchor Books, 1975.
- Images of the Negro in American Literature*, ed. S. L. Gross. Chicago, IL: Chicago University Press, 1966.
- Jefferson, T. *Notes on the State of Virginia*, ed. D. Merrill. New York: Peterson Library of America, 1984.
- Jones, L. (Amiri Baraka). "The Myth of a 'Negro Literature'." (1962) Jones, L. (Amiri Baraka). *Home: Social Essays* (1966). New York: Akashic Books, 2009: 124–135.
- Loggins, V. *The Negro Author: His Development in America*. New York: Columbia University Press, 1931.
- Long, W.J. *American Literature*. Boston, MA; New York: Ginn and Company, 1913.
- Mason, J. D. Jr. "On the Reputation of Phillis Wheatley, Poet." *The Poems of Phillis Wheatley*, ed. J. D. Mason Jr. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 1989: i-xxxiv.
- Mphahlele, E. *Voices in the Whirlwind and Other Essays*. New York: Hill and Wang, 1972.
- New Essays on Phillis Wheatley*, eds. J. C. Shields, E. D. Lamore. Knoxville, TN: University of Tennessee Press, 2011.
- Panova, O. Yu. "Chornym po bielomu. O rabstve i rabakh v amerikanistike." ["Black on White. On Slaves and Slavery in American Studies."] *Voprosy literary [Questions of Literature]* 5 (2010): 454–463. (In Russ.)
- The Poems of Phillis Wheatley*, ed. J.D. Mason Jr. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 1989.

Poems on Various Subjects, Religious and Moral. By Phillis Wheatley, Negro Servant to Mr. John Wheatley of Boston. London: Printed for Archibald Bell, 1773.

Redding, J.S. *To Make a Poet Black.* Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1939.

Shields, J.C. *The American Aeneas: Classical Origins of the American Self.* Knoxville, TN: University of Tennessee Press, 2001.

Shields, J.C. "Phillis Wheatley and Mather Byles: A Study in Literary Relationship." *College Language Association Journal* XXIII:4 (June, 1980): 377–390.

Schiels, J.C. "Phillis Wheatley's Use of Classicism." *American Literature* LII:1 (1980): 97–111.

Shields, J.C. *Phillis Wheatley's Poetics of Liberation: Backgrounds and Contexts.* Knoxville, TN: University of Tennessee Press, 2008.

Shields, J. C. *Phillis Wheatley and the Romantics.* Knoxville, TN: University of Tennessee Press, 2010.

Thurman, W. "Negro Poets and Their Poetry." *The Collected Writings of Wallace Thurman*, eds. A. Singh, D.M. Scott III. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2003: 206–207.

Tyler, M. C. *The Literary History of the American Revolution, 1763-1783.* New York; London: G. P. Putnam's Sons, 1897.

Walker, C. *The Nightingale's Burden: Women Poets and American Culture before 1900.* Bloomington, IN: Indiana University Press, 1982.

Wheatley, P., Odell, M.M. *Memoir and Poems of Phillis Wheatley, a Native African and a Slave.* Boston, MA: Published by Geo W. Light, 1834.

Women in the Age of American Revolution, eds. R. Hoffman, P.J. Albert. Charlottesville, VA: University Press of Virginia, 1989.